

иронический портрет Джамаля, интеллигента, тонувшего в потоке собственных слов, опустошенного человека с мертвым сердцем, фразера и лентяя, «безработного», ищущего высокие оправдания своему отращиванию к труду. Болтовня о будущем, о надежде, о чудесно обновленной жизни, мечта о том, чтобы однажды, проснувшись, найти мир другим, изменившимся, хотя он сам, Джамаль, не двинет пальцем ради этого будущего. Кого имел в виду Диб, набрасывая этот портрет, полный иронии и горечи? Очевидно, определенный тип алжирских интеллигентов, оставшихся за бортом событий. Во всяком случае, в книге явно ощущается внутреннее противопоставление таких цельных, ясных и действенных характеров, как крестьянин Мархум, и таких мнимосложных фразеров, как Джамаль.

И наконец — последний портрет, казалось бы самый отдаленный от войны, от народной трагедии, а между тем едва ли не самый лирический, полный значения, может быть не случайно начинающий и завершающий книгу.

Дом, в котором живет, вернее, задыхается молодая

девушка Закия, — это само Прошлое. Прошлое как будто прочное, солидное, благополучное, вполне приспособившееся к колониальному режиму и душащее человека. Отец, добрая и слабавольная мать, со всеми соглашающийся дядя — все они не понимают ни смысла, ни важности происходящего. Это люди инерции и традиции, стадо, идущее без мысли вперед, по выражению одного из них. И именно потому, что они люди инерции, они так жестоки и циничны, так бездумно готовы выдать свою юную дочь за бездельника и развратника.

Трудно сказать, сознательно ли подражал М. Диб в этих страницах Чехову, но вся линия Закии выдержана в интонациях, которые не могут не напомнить чеховские. Закия — вся тревога, беспокойство, ожидание. Она мечется и задыхается, как чеховские три сестры. Она и хотела бы полюбить простую жизнь, покой, уют дома. Но не может. Она ненавидит этот сонный покой. «Привыкнуть не дышать и потом говорить, что воздуха не существует...» Она все жаждет, чтобы что-то поднялось над этой сонной и сытой повседневностью. И не находит. И снова ищет.

Выбиться из уклада, который был в прошлом и который ныне умирает, выбиться в будущее — вот что движет Закией. Почему же стало так нестерпимо удушье этого прочного и благополучного дома, почему оно стало казаться смертельным? Потому что рядом за окном — воздух, разреженный грозой революции. Страницы книги, отведенные Закии, едва ли можно понимать только в их непосредственном прямом значении. Недаром проза здесь все время тяготеет к стиху, она часто становится ритмической, повторы создают ощущение поэтических обобщений, близки к символизму. Эти страницы, может быть, надо повянуть как символический ключ ко всей книге.

Прошлое угрожает и душист, его цепкие пальцы еще на горле. Но оно изжило себя. Как бы ни решилась судьба многострадального Алжира, его народ не может вернуться в Прошлое. Живой, проснувшийся Алжир, жесточайшими страданиями и жертвами купивший свое пробуждение, хочет быть живым, хочет войти в будущее.

В этом, думается, смысл книги Диб.

Е. Гальперина

ВТОРОЙ РОМАН ДЖОНА БРЕЙНА

John Braine. The Vodi.
London, Eyre & Spottiswoode, 1959.

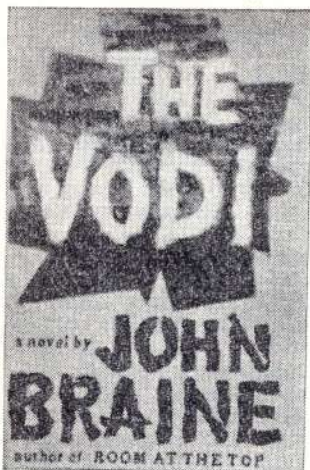
Джон Брейн приобрел широкую известность романом «Место наверху», который был экранизирован и демонстрировался у нас под названием «Путь в высшее общество». Первое произведение выдвинуло писателя в число видных представителей литературы так называемых «рассерженных молодых людей». Критика с

нетерпением ожидала второго произведения молодого писателя, и в 1959 году появился его роман «Води».

Сюжет романа составляет жизнеописание молодого англичанина, с которым читатель знакомится в тот момент, когда герой, заболев туберкулезом, оказывается в больнице. Дик Корви обречен. Он и сам убежден в том, что его ожидает близкая смерть. Лежа на больничной койке, он то и дело возвращается мыслями к своему прошлому, к детству и школьным годам, ко второй мировой войне, в которой он участвовал в качестве солдата, и к послевоенному времени.

Дик вспоминает, что вместе со своим товарищем он в детстве верил в существование неких странных карликов, прозванных им Води. Карликами управляла злая фея, которая вмешивалась в судьбы людей, принося им несчастье. Она обращала свой гнев на слабых, не способных сопротивляться трудностям и беднякам. Образ Води служит как бы символом жизненных бедствий, обрушивающихся на людей, не приспособленных к борьбе за существование.

Дик убежден, что он тоже является жертвой Води. Но неожиданно в его печальное больничное существование вторгается нечто

выводящее его из той апатии, которая овладела им. Внимание героя привлекает медицинская сестра Эвелин Малатон, и он замечает, что она также проявляет к нему интерес. В душе Дика возникает желание завоевать любовь Эвелин, и это заставляет его преодолеть равнодушие к своей судьбе, он начинает бороться за жизнь. Перемена настроения постепенно приводит к перелому в его физическом состоянии: Дик начинает поправляться.

Предмет увлечения Дика, Эвелин, прошла сложный жизненный путь, но не сумела устроить личной судьбы. Правда, за ней ухаживает один состоятельный молодой человек, но она понимает, что тот не придает серьезного значения их отношениям. Ее подопечный Дик Корви привлекает Эвелин больше, ее чувство к нему становится глубже. Когда поклонник Эвелин замечает, что у нее появилось новое увлечение, он осозна-

ет, что Эвелин для него больше чем просто случайная забава. Он предлагает ей стать его женой.

Оказавшись перед выбором между двумя мужчинами—человеком, который может обеспечить ее будущее, но к которому она, в сущности, равнодушна, и больным бедняком Диком Корви, глубоко задевшим чувства Эвелин,—молодая женщина решает в пользу богатого.

Узнав о помолвке Эвелин, Дик не теряет бодрости духа, обретенной им благодаря привязанности к ней. Преодолев ненадолго овладевшую им меланхолию, он продолжает бороться за свое выздоровление. Дика наконец выписывают из больницы. Призрак Води, этого злого духа несчастий, исчезает. Герой будет бороться не только за место под солнцем, но и за любовь Эвелин. Она ведь только помолвлена, а помолвку можно разорвать.

Новый роман Джона Брейна в основном сконцентрирован на психологических мотивах, не отличающихся, кстати сказать, ни особенной глубиной, ни оригинальностью. По сравнению с предыдущим романом социальное содержание здесь значительно беднее, так же, кстати, как и в последних произведениях К. Эмиса и Дж. Осборна. Где-то на заднем плане романа мелькают малозначительные эпизоды, отражающие частные стороны современного английского быта: трудности послевоенного времени, тяжелое положение мелких собственников, поиски бед-

ными молодыми людьми заработков. Но эти детали скупы и маловыразительны.

Второй роман Дж. Брейна показателен как свидетельство ограниченности значительной части литературы «рассерженных молодых людей». Писатели этого направления быстро исчерпывают пафос своего «гнева» в силу того, что большинству из них не свойственно стремление выйти за рамки частных фактов и попытаться вскрыть корни того духовного кризиса, который переживает молодежь буржуазной Англии.

Дж. Брейну нельзя отказать в литературном умении. Язык романа отличается живостью, но фигуры героев более плоски, чем в его первом произведении. Ощущается в «Води» и другое: у писателя, так же как и у Эмиса и Осборна, герой находит опору лишь в собственных душевных силах. Есть в романе и нотки примирения с современной действительностью.

Преждевременно было бы делать вывод об исчерпанности творческих возможностей такого несомненно талантливого писателя, каким является Джон Брейн. Однако возможности дальнейшего развития его дарования лежат не на том пути, какой он избрал в «Води». Только возвращение к наиболее острым проблемам социальной жизни и стремление разобраться в ее действительных противоречиях позволит писателю закрепить популярность, заслуженно приобретенную им благодаря первому роману.

А. Аникст